

Солдатские сказки

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва, 2006

Солдат Семен — скорый гонец

Эта сказка очень характерна для русского фольклора. Силою волшебства главный герой, солдат, превращается в гордую сильную птицу и совершает подвиг во славу Отечества. Одним из вариантов этой сказки является сказка «Финист — ясный сокол», упоминающаяся еще во времена царя Алексея Михайловича (1629—1676).

Некоторое царство, вроде государства, кое-как расположилось. Куда ни глянь — сплошь болота непролазные. И дороги все кривы да окольные, в буераках да ухабинах.

Кто в столицу едет, тому, если повезет, три дня пути. Ну а другой раз так заплутаешь, что и за десять не обернешься.

И вот у одного мужика родилась в голове мысль: проложить через топи и болота дорогу с тремя мостами калиновы-

ми, чтобы пешему и конному и недели хватало добраться до столицы.

Взялись за работу всей семьей: старший сын Иван лес рубит, средний Василий бревна возит, а отец с младшим Семеном их к укладке готовит. И так споро дело пошло, будто давно поджидало.

Вытянулась дорога ровная да прямая, как оглобля, с тремя мостами выгнутыми, точно коромысла.

Двинулся народ из конца в конец по новой столбовой дороженьке. А отец наказал братьям слушать, о чем путники толкуют. Интересно!

Сидит старший Иван под первым калиновым мостом, Василий — под вторым, ну а Семен — под третьим, самым выгнутым. Кашу варит, проезжих угощает, а сам слушает.

Всякий пеший или конный похваливает строителей моста. И столько добрых слов было сказано, что братья

веселились, как малые дети на ярмарке.

К ночи прохожих поубавилось. Хотел было Иван домой бежать, как вдруг услышал на мосту тихие шаги и такую дивную речь:

— Что за чудный мост! Любое желание исполню для того, кто его строил.

Иван выглянул из-под моста и видит — ветхий мужичок, кривоватый, вроде серпа, а лицом светел и длинная борода серебрится.

— Будь здоров, батюшка! — говорит Иван. — Ты о желании-то правду говоришь или нет?

— Какие шутки! — усмехается мужичок. — Загадывай...

— Вот бы мне денег, чтоб на целый век хватило!

— Пустяки, — и мужик подает Ивану лопату. — Где ни копнешь, всюду тебе золото явится...

Так оно и получилось. Пока шел Иван домой, выкопал дюжину канав, и в каждой — по пуду золотых червонцев. Всю ночь собирал.

А ветхий мужичок взошел тем временем на второй мост и прояснил лицом пуще прежнего:

— Ах, какой мост! Сам под ноги стелется! Вот бы встретить того, кто его возвел! Любое желание исполню!

Василий уж дремал, а тут пробудился, выскочил из оврага.

— Вот кабы хлеба мне на целый век!

Мужичок протягивает ему пригоршню зерен:

— Посеешь их, братец, и хватит урожая не только тебе, но и внукам-правнукам твоим.

И верно. У самого дома обронил Василий три зернышка, так на утро поднялось на этом месте поле спелой пшеницы.

Ну а ветхий мужичок к третьему мосту, самому высокому, подошел. Глядит, не налюбуется, и сияет, словно месяц в ночи:

— Волшебный мост! Круче радуги! По такому-то легче легкого на небо взойти!

Увидел младшего брата Семена и говорит:

— Проси, юноша, чего пожелаешь, — все для тебя исполню!

Семен недолго подумал:

— Хотел бы в солдаты пойти, государю послужить верой и правдой.

— Э-э, братец! Хорошо, сказывают, в солдатах, да что-то мало охотников, — покачал мужичок седой головой. — Солдат, горемыка, хуже лапотного лыка! А жизнь солдатская — веселое горе да горькое веселье!

— Это как раз по мне, — отвечает Семен.

— Будь по твоему, милый юноша! — говорит

мужичок. — Да только прими от меня гостинец. Будет трудно — свистни, как умеешь, обернешься птицей — ясным соколом. На службе согдится!

Сказал так, поднялся на мост, а с него прямехонько — в небо. Устроился по-хозяйски среди звезд. Старый месяц, тоненький серп — на самом исходе, подмаргивает Семену.

Вернулся юноша домой под утро. Кругом тучные хлеба колышутся. Дверь отворил — из горницы золото посыпалось.

— Сказывай, какие у тебя новости? — спрашивает отец нетерпеливо.

— А новость у меня одна, — говорит Семен. — Иду в солдаты!

— Эх, дурья твоя башка! — огорчился отец. — Где это видано, такие желания загадывать? Ну, что теперь сделаешь, иди, Господь с тобою.

Вздыхнул Семен, перекрестился да и отправился по прямой дороге, через три моста, в столицу. Долго ли, коротко — привели его ноги к царскому дворцу, к садовой ограде.

А по саду как раз сам царь ходил с главным воеводой. Унылые да растерянные, потому что соседний король объявил вдруг войну — не на жизнь, а на смерть. Вот и думали теперь царь с воеводой, как назавтра в поход выступать, да как бы в суете не позабыть чего важного.

Семен подбежал к ограде и говорит:

— Ваше величество, царь-батюшка! Пришел я послужить простым солдатом. Берите меня в переднее войско!

Поглядел на него царь и очень удивился: откуда такой выискался?

— Слишком ты еще юный!

— Это у меня обличие такое, — не сдастся Семен. — А душа моя — солдатская. Дождем промоченная, солнышком просушенная, огнем опаленная и ветром остуженная. Хочет в бою побывать — цену жизни узнать!

— Гладко говоришь, — усмехнулся царь. — Пожалуй, запишу тебя кашеваром. Служи на совесть. Ну, а коли слава придет, всякого найдет...

На другой же день выступило войско в поход. Уже месяц солдаты идут. Все по болотам да по трясинам, по буйному бездорожью. Семен свое дело знает — кашу варит погуще, чтобы солдаты не слабели.

Наконец, завидели дозорные впереди, на сухом пригорке, вражеские силы. Через день-другой сходить надо — не на жизнь, а на смерть. Пора ружья чистить-заряжать да сабли заострять.

Хватился царь-батюшка, а мечакладенца его заветного и нет. Обыскали все. Нет как нет меча — того, что зараз дюжину вражеских голов срубает! Видно, забыли его во дворце, когда в суматохе собирались. А без него какое сражение? Пиши пропало!

Загоревал царь: и каша в рот не лезет. Все же собрался с мыслями и объявил по всему войску: мол, тому молодцу-удальцу, что за пару дней управится, доставит из дворца меч-кладенец заветный — и дочь свою Марью-царевну в жены, и полцарства в придачу отдаст!

Щедры посулы, да охотников мало. Шуточное ли дело: за два дня от-

махать дорогу, какую и в два месяца не одолеть.

Тут и вызвался Семен:

— Ваше величество! — царю говорит, — я доставлю заветный меч к битве.

А самый главный воевода не желает отставать от простого солдата-кашевары:

— Вы меня, ваше величество, знаете! Не впервой мне царствование из беды выручать!

Сели оба на резвых коней и поскакали. Воевода сразу галопом, а Семен отъехал за кусточки, коня привя-

зал, свистнул, кувырнулся через голову, обернулся соколом и полетел.

Летел-летел, притомился: ночь напролет крылышками махал. К восходу солнца во дворец залетел, да так умаялся, что упал, как подстреленный, прямо в ноги Марье-царевне.

Ахнула царевна, но чувств не лишилась, а прочитала грамотку от царя-батюшки и руками всплеснула:

— Да как же ты, юноша распрямный, — спрашивает, — сумел за день столько земель миновать?

— А вот как, — отвечает Семен.

Свистнул — и уже птичкой вокруг нее порхает. Присел к царевне на мизинец да обронил золотое перышко.

А она эту памятку — сразу в платочек и схоронила на груди.

Уже солнце поднялось. Пора в обратную дорогу. Принесла царевна заветный меч и поцеловала Семена на прощание.

Кувырнулся юноша через голову, обернулся ясным соколом и полетел. Так у него на душе хорошо, что вдвое

быстрее путь одолел. До воинского стана рукой подать.

«Дай-ка, — думает Семен, — отдохну — есть еще время! Явлюсь к царю-батюшке свежим да бравым!»

Прилег он под ракиновым кустом, на пригорке у оврага, обнял меч-кладенец и задремал.

А в ту пору главный воевода все плутал среди болот. Уже и коня утопил. С досады зубами скрежещет. Увидал он куст ракиновый, а под ним Семена. Выхватил, недолго думая, длинный кинжал и ударил прямо в сердце — юноша и не охнул. Столкнул его воевода в глубокий овраг и поспешил к царю с заветным мечом.

— Вот, ваше величество, бесценное оружие! — говорит. — Как обещано,

в срок доставил! Теперь рубите врагов, а я устал, с ног валюсь.

Царь обнял воеводу, повесил ему на грудь золотой орден:

— Ты свое дело сделал! — говорит. — Отдыхай, герой, без тебя управлюсь!

И пошел с ратью на враждебного короля.

Бились недолго — три дня и три ночи. А как сокрушили вражескую рать, отправилось войско с победой и песнями под барабанный бой в столицу. О Семене и не вспомнили — и без него кашеваров хватает. Лежит юноша в черном овраге.

Но тут как раз время настало, и взошел на небо новый месяц. Поглядел на землю и заметил мертвого Семена в овраге.

Взмахнул месяц бородой — по листе, по кустам, по траве. Стряхнул серебряную росу на грудь Семена, и затянулась колотая рана, как и не было.

Потянулся юноша, вздохнул и глаза открыл.

— Батюшки-святы, как я заспался! А ведь ждут меня, не дождутся! Где меч-кладенец?

— Эх, юноша, — говорит ему месяц. — Все ты мертвым сном проспал. Война-то уж кончилась, и войско с победой воротилось! Вот тебе совет — поспешай в столицу...

А в городе стольном праздник — пушки палят, колокола звонят. Славит народ царя да воеводу-спасителя. Все готово к его свадьбе с Марьей-царевной.

Столы накрыты и в царском дворце и посреди сада — хмельного питья да закусок видимо-невидимо. Веселье кругом. Одна Марья-царевна печалится. Смотрит по сторонам тоскливо: ничего ей не мило.

Да вдруг узрела Семена за садовой оградой — так глаза ее и засверкали! Говорит она царю:

— Не тот, батюшка, мой жених, что за столом, в орденах! А тот, что за изгородью томится! Это он заветный меч к сроку доставил!

— Пустые слова, ваше величество! — поднялся главный воевода. — Всем известно, кто меч привез! А этот беглый кашевар — разбойник с большой дороги! Какие у него доказательства?!

Кувырнулся Семен через голову, вспорхнул ясным соколом и уселся на мизинец к Марье-царевне. Она золотое перышко приладила — как и было тут.

— Вот, батюшка, моя приметочка!

— Теперь понятно, кто тут жених, а кто разбойник, — говорит царь.

На радостях не казнили воеводу, а помиловали — сослали строить дороги через топи и болота.

А Семена с Марьей-царевной тут же обвенчали.

Так приосанился Семен, сразу видно — добрый молодец! Был простой кашевар, а стал удалой солдат!

Позвал он на свадьбу и отца с братьями. Поглядел отец на Семена и говорит:

— Ох ты, гой-еси, добрый молодец! Ясно вижу — моя родная кровиночка! Дозволь, Сема, когда время подойдет, на твоих рученьках помереть.

Ну, а затемно уже пожаловали на пир и молодой месяц вместе с полной луной, солнце ясное да ветер-ветерок. Весело гуляли — дни и ночи напролет. До тех пор, пока месяц не состарился — до самого, сказывают, новолуния.

Как солдат царя Петра от разбойников спас

Вариантов этой сказки очень много. Появилась она наверняка среди солдат, мечтавших спасти своего государя от врагов и получить за это высокий чин и богатую невесту.

Пришлось как-то царю Петру принять участие в охоте. Погнался он на коне за зверем, да и заблудился. Далеко от своей свиты ускакал.

Места глухие, безвестные. Куда ни повернет — всюду лес. Куда ни взглянет — сучья-бурелом. А деревья вершинами небо подпирают. Жутковато...

Кружил царь, кружил, изо всех сил в рожок дудел — никто не отзывается. Разве что ветер угукает. Или леший дразнит?

День к вечеру склонился. Ни дороги кругом, ни тропиночки. Конь устал, спотыкается. Да и сам царь притомился.

Только он спешился, как слышит — неподалеку кто-то песню поет. Вскочил царь на коня, поскакал на голос и скоро выбрался на мшистую дорожку. У обочины увидел солдата: сидит один-одинешенек, тянет заунывную песню.

— Здравствуй, служба! — крикнул солдату царь.

— Здорово, молодец, — солдат отвечает.

— Откуда, братец, куда да зачем? — спрашивает царь.

— Из отпуска в полк, — говорит солдат. — Службу дальше править.

А ты кто таков будешь? Из охотников, что ли?

А царь решил до поры до времени не признаваться, кто он таков.

— Точно, — говорит. — Погнался за зверем да и сбился с пути. А зовут меня Петром.

— Значит, надо нам с тобой, друг, ночлег искать, — рассудил солдат. — Да не пойму, в какую сторону идти.

Скинул он ранец и влез на дерево:

— Вот удача! — подал голос с макушки. — Вижу дым неподалеку, а слышу — будто ласковый песик брешет!

Спустился солдат, повел коня под уздцы в примеченную сторону.

Пробираются напрямки, продираются сквозь кусты да валежник. Царь между тем про службу спрашивает, про войну.

— Солдатская доля — не своя воля, — рассказывает солдат. — А на войне-то всяко бывает: и жар донимает, и ветер обдувает, и дождик мочит, и печаль сердце точит. Тянется война — конца ей, краю нет. Выбраться из нее мудренее, чем из этого дремучего леса. Хорошо бы царю про то сказать...

— А ты, служивый, царя-то видал?

— Видать не видал, — говорит солдат, — а слышал, будто справедливый он. И нашим братом, солдатом, не брезгает!

Так они шли, шли и уткнулись в высокий забор. За ним — большая изба-пятистенка. Постучали в ворота — сразу собаки взъярились. Вот и весь привет.

Солдат, недолго думая, перемахнул через забор. Только на ноги поднялся, два пса к нему подлетают. То ли волки, то ли медведи — злодейская помесь! Еле успел шпагу выхватить. Взмахнул ею пару раз — псы и повалились...

Огляделся, ворота отпер:

— Заезжай, Петруша! Хоть и не по сердцу мне эта избенка, а все от ночи-напастя схоронимся.

Едва взошли на крыльцо, отворилась скрипучая тяжелая дверь, и вышла старуха.

Солдат поклонился:

— Здравствуй, бабушка, приюти усталых людей до рассвета, — говорит. — А там, глядишь, и поужинаем.

Но старуха скрежещет пуще скрипучей двери:

— Нечего есть, негде спать, — и норовит обоих с крыльца спихнуть.

Солдата такая сердечность взъярила:

— Не взыщи, барышня! — и отодвинул бабу в сторону. — Придется, Петруша, самим поглядеть, что тут да как...

Заходят они в горницу. На лавке в углу пригожая девушка сидит, приветливо глядит.

— Собери, красавица, на стол: животы подвело — улыбается солдат. — Не даром просим, за деньги!

Заворковала девушка, как голубка-горлица, и стала руками махать — то на печку, то на сундук показывает.

— Видать, сирота немая, — догадался солдат.

Поднял он печную заслонку и вытащил из печи знатного жареного гуся. Открыл сундук, а там всякие разносолы: и заедки, и напитки — видимо-невидимо. Не только двое, а две дюжины сыты будут.

Знатно отужинали солдат с царем. Огляделся солдат, нету ли где перин, да вдруг сердце ему подсказало, что лучше им на чердаке заночевать. Поднялись с царем по приставной лесенке.

— Вижу, Петруша, совсем ты сморился, — говорит солдат. — Ложись, а я покараулю — мало ли, какие тут крысы.

Царь Петр лишь головой соломы коснулся, сразу сны его одолели. А солдат приютился возле чердачного лаза со шпагой наголо. Тоже умаялся: носом клевал, но ухо остро держал.

И вот слышит среди ночи — свист, шум, потом ворота крякнули. На дворе верховые толкуют.

— Куда девку-то девать?

— Да заприм в чулан, некогда возиться!

А тут, слышать, и ста-

руха из дома выка- тилась:

— Нагрязнули тут лешаки! — скрипит ведьма, — собак моих порубили. Хозяевали, как у себя дома.

«Вещее мое сердце! — ахнул солдат. — Подсказывало: не добрый это дом, а разбойничье логово!»

Приник к чердачному оконцу и видит трех мужиков-разбойничков: лохматые, могучие, словно вековые ели.

— Где ж они, эти аспиды? — спрашивает самый дюжий. — Сейчас я их на тот свет отправлю!

Старуха кривым пальцем тычет на чердак:

— Спят лешаки без задних ног.

Старший саблю вытащил:

— Пойду гостей проведаю!

Идет через сени, слышит — храпят незваные гости на чердаке. Царь, и правда, спит, как младенец, — беды не чует. А солдат притворяется: всхрапывает, что есть мочи. Но сам уже шпагу занес над чердачным лазом.

Разбойник-то без всякой опаски по приставной лесенке взбирается. И только показался в проеме, солдат его, словно кочан капусты, шпагой пронзил.

— Ну, — перекрестился он, — одним злодеем меньше!

Двое других услышали шум, на подмогу кинулись, но солдат и с ними справился.

А стала заря заниматься, будит солдат царя:

— Вставай, вставай, Петруша! Пора в путь-дорогу. Загостились мы тут!

Увидел царь мертвых разбойников, вздрогнул — будто страшный сон не отпускает.

— Что же ты, служивый, меня не растолкал, — говорит. — Вдвоем-то сподручней!

— Ну, мне не привыкать, — мигнул солдат. — На войне с ворогом управляюсь, а эти — тьфу! — пакость.

Подлетела к ним немая девушка и заворковала, а солдат все разом постиг: какие новости и что делать.

Ага, старуха, значит, из дому улизнула! Новостей не много, а дел не мало. Подскочил солдат к чулану, сбил замок, дверь размахнул — а там связанная по рукам и ногам девица. Как развязали да разглядели — писаная красавица!

Говорит она слабым голосочком:

— Я дочь знатного купца, а звать Полинушкой. Похитили меня злодеи из отцова дома, чтобы богатый выкуп взять... Ах, сейчас я чувств лишусь от волнения.

Вот и глаза уже закатила. Положили Полю отдыхать на лавку.

А солдат отыскал погреб, крышку откинул, спустился со свечой и аж остолбенел — сколько золота! Позвал царя Петра. Увидел он золото, встрепенулся: как казна-то пополнится! — и солдату говорит:

— Вяжи, служивый, узлы!

Набили два мешка полнехонько — один солдату — поменьше, другой — другу Петруше — побольше.

— Ехать надо! — говорит солдат. — Выводи, братец, коней.

Пока Петр девиц усаживал в седла, солдат пятистенную избу запалил с углов, чтоб и духа разбойничьего не осталось.

Тронули коней и поехали — не шибко, не медленно, а солидным ходом.

— Знаешь, Петруша, — говорит солдат, — я-то человек походный и казенный, а ты послушай моего совета, приглядишь к Полинушке. Красотой, сам видишь, не обижена! К то-

му же дочь богатого купца. Чем тебе не пара?

Усмехнулся царь Петр:

— Пойдет ли за меня? Ладно, там видно будет...

Ехали они целый день и затемно приблизились к столице.

— Вот что, служивый, — говорит царь. — Такое дело: у заставы мы расстанемся. Ты с девицами поезжай на постоянный двор, а я должен брата разыскать. Найду, сразу дам знать!

На том и простились. Солдат с девицами прибыл на постоянный двор. Заказал ужин славный. Сидят за столом. Поглядывает солдат на дочь купеческую, любитесь. Красавица!

И только хотел он кубок во здравие поднять, как раздался на улице грохот, подкатили к воротам две каре-

ты, шестеркой запряженные: вокруг конные солдаты, а впереди офицер.

«Вот те на! — спохватился солдат. — Никак проведали о моем самоуправстве! Старуха донесла? Или охотник Петруша сболтнул? Да как ни поверни, все одно — каторга!»

А офицер строго допрашивает привратника:

— Есть ли у тебя эдакие постояльцы — служивый с двумя девицами?

— Вот он я — тут как тут, — с повинной головой подходит солдат. — Век я, ваше благородие, под судом не был — забирайте золото, прах его возьми! Как говорится, солдат не украл, а просто взял! Отпустите меня с миром — на войну тороплюсь!

— Ладно, помалкивай пока! — приказывает офицер. — Живо по каретам!

Подъехали прямо к царскому дворцу. На дворцовом крыльце генералов видимо-невидимо. И все гурьбой вокруг одного крутятся, честь отдают, государем величают. А государь этот — ну вылитый охотник Петруша!

Подзывает он солдата:

— Здорово, служивый! Не признал, что ли?

Солдат вытянулся по струнке: стоит — не дышит.

Обнял его царь:

— Не робей, служба! Разбойники тебе нипочем, а перед государем бледнеешь! А офицеру это совсем не к лицу! Заказывай себе новый мундир да проси, братец, чего душа пожелает, — все исполню!

Кое-как собрался солдат с мыслями:

— Вот что, царь-батюшка, не успели мы на постоялом дворе кубки во здравие опрокинуть. А перед военным походом — это дело не лишнее!

Тут же государь махнул рукой, и появились кубки, полные вина. Опрокинули, как полагается, и расцеловались.

Государь и говорит:

— Заканчивай, господин капитан, войну, которой ни

конца, ни края! Выбирайся из нее, как из того дремучего леса — с победой! Как вернешься, свадьбу сыграем! Женись на купеческой дочке, что с нами была.

А после Полтавской победной баталии царь Петр произвел бывшего солдата из капитана в полковники и сам гулял у него на свадьбе.

Деревянный палаш

Петр I заботился, чтобы солдаты бережно относились к своему оружию. Ведь оно стоило казне немалых денег. За потерю ружья или шпаги солдата ожидало суровое наказание. Однако, если он оказывался находчивым и смекалистым, то государь мог сменить гнев на милость.

Таков был царь Петр: все ему интересно. Переоденется, бывало, в простое платье и пойдет по улицам: послушать, о чем люди толкуют. Да и сам он охотник поговорить.

Вот как-то раз зашел он в трактир — аустерию. День праздничный — народу тьма.

Огляделся царь Петр и подсел к столику, где одинокий солдат угощался.

— Откуда родом, служивый? — спрашивает царь.

— Костромской я, — солдат отвечает.

— Значит, земляки, — улыбается Петр. — Дед мой тоже из костромских.

— Ну, так выпей, землячок! — угощает солдат.

Выпил Петр и от себя заказал штоф горячительного. Разговор оживился.

— По какой части, земляк? — спрашивает солдат.

— Мастеровой, — отвечает царь. — По плотницкой части.

— Так я и думал, что плотник! — говорит солдат. — Это первое ремесло у костромских-то. И дед, и родители мой — все плотники...

Разговаривают так да выпивают, как в трактире водится. Солдат уже захмелел:

— А что, земляк, пора бы еще выпивки заказать!

— Денег нету! — Петр отказывается.

А солдат руками машет:

— Эх-ма, много ума, а выпить не на что! Коли денег нет — палаш заложу!

— Да что ты, дурень?! — отговаривает Петр. — Тебе же завтра службу справлять!

— Служба службой — идет, не торопится, — уперся солдат.

— А случись — подъем по тревоге?! — страшает Петр. — Как без палаша-то?

Солдат только хохочет:

— Ой, землячок, уморил! Наши офицеры дрыхнут до седьмых петухов! Я семь раз заклад выкуплю. Да не вешай нос, я завсегда начальство обойду!

— Твое дело, земляк, — говорит Петр. — А я уж, прости, домой! Ну, служивый, до скорого свидания...

Поднялся и ушел.

А солдат, как и вознамерился, тут же палаш заложил. Выдали ему знат-

ный штоф. Солдат его опустошил и — с песнями в казарму.

А утром в полку тревога.

— Смотр на плацу! Сам царь-батюшка прибывает! Царский смотр!

Солдат подскочил, амуницию надел. А палаш-то где?! Едва припомнил, как в аустерии закладывал...

Плохо дело. Хуже некуда!

Да служивому раздумывать некогда. Обстругал наспех лучинную палку, печной сажей ее причернил. Авось, думает, издали не приметят. Авось, обойдется!

Все офицеры суетятся у казарм. Сам генерал бегаёт вприпрыжку. Царский смотр — не шутка! Все может стать — и выговор, и гауптвахта, и орден на грудь.

Построили полк на плацу. Вот и царь-батюшка пожаловали. Проходит вдоль шеренг скорым шагом да в каждого вглядывается.

Хоть и жаркое лето, а зябко под царским оком! Особенно с деревянным палашом в ножнах.

Солдат уже трижды всех святых угодников помянул — мол, выручайте, братцы!

И вдруг слышит, словно на Страшном суде:

— Три шага вперед! — приказывает ему царь.

Выходит солдат, едва сумел шаги сосчитать. Стоит перед строем, туман в голове.

— А ну, покажи, — говорит царь, — как палашом владеешь! Руби меня с плеча!

Побледнел солдат, поднял глаза и видит — вчерашний земляк, плотник из костромских. Тут и туман рассеялся, прояснилась голова.

— Никак нет, не могу! — отвечает солдат. — Не поднимется рука на ваше величество!

Царь усы встопорчил:

— Руби, приказываю! Не то на какому сошлю!

Перекрестился солдат и заорал во всю мочь:

— Господи, святые угодники, сохраните и помилуйте нашего царя-батюшку! Пусть вострый палаш рассыплется, аки гнилое дерево!

И хватъ царя Петра палкой — только щепки брызнули.

А на плацу — мертвая тишина. Полковой поп — руки к небу:

— Чудо! Чудо Господь даровал!

— Да, — говорит царь. — И впрямь на чудо похоже!

Хлопнул солдата по плечу:

— Ну, молодец, мошенник! Пить пьешь, проходимец, да головы не теряешь. Шустер разумом! Отсидишь для порядка три дня на гауптвахте, а потом, землячок, прямиком — в штурманскую школу. Там мозги не запьются, проветрятся.

Вытащил из ножен свою царскую шпагу и солдату пожаловал.

Щедрая награда

Среди офицеров-дворян во времена Петра I процветало пренебрежительное отношение к солдатам. Их могли жестоко наказать за мелкие проступки, отобрать последние деньги, а то и вовсе не выдавать положенное жалованье. Царь Петр, если узнавал про такую несправедливость, офицеров наказывал.

Однажды царь Петр обронил с пальца перстень. Дело во время воинских учений было: поначалу не заметил, а как обнаружил потерю — опечалился страшно. Ведь не простой был перстенок — подарок покойной матушки.

Тотчас всех о пропаже оповестили и объявили царскую волю: того, кто перстень найдет и во дворец доставит, наградят.

И посчастливилось тот перстень найти простому солдату. Приходит он в царский дворец, а на главном входе придворный офицер стоит и строго так солдата спрашивает:

— Тебе что надобно, такой-сякой?

— Да вот перстенок царский нашел, — говорит солдат, — хочу отдать и положенную награду получить.

— Ах вот как, — удивился офицер. — Ладно, пропущу я тебя к царю, но с уговором: какую бы государь тебе награду не дал — мне половину. А не то объявлю тебя дезертиром.

— Хорошо, — говорит солдат, — только мне расписку дайте, ваше высокоблагородие, чтобы все по-честному было.

Написал знатный офицер расписку и доложил царю о солдате. Обрадовался Петр, расцеловал солдата, перстень на палец одел.

— Я тебе за это, солдат, две тысячи рублей пожалуй!

— Благодарствую, ваше величество, однако денег мне не надо, — отвечает солдат, — куда мне в полку с такими деньжищами. А прошу дать мне в награду двести ударов кнутом, да побольнее.

— Да ты дурак, что ли, — удивился Петр, — или контуженый?

— Нет, ваше величество, — отвечает солдат и, хитро усмехаясь, протянул царю расписку. — У меня и документ имеется. Мне ведь только половина вашей награды полагается.

Петр расписку протянул, подмигнул солдату и говорит весело:

— Да чего уж мелочиться, можно и полностью твоему благодетелю награду выдать...

Приказал царь привести придворного офицера и заплатить положенное. Распластали гренадеры того офицера на лавке, содрали богатые одежды и по нижней части спины кнут загулял. А царь Петр лично удары считал да приговаривал:

— Получай награду щедрую, да впредь не мздомствуй, не обижай служивых, павлин расфуфыренный.

Еле-еле после такой награды бедный из дворца выполз и до дому добрался — отлеживаться.

А солдата царь Петр чинном офицерским пожаловал и дал три тысячи рублей за честность и находчивость.

Солдатский кафтан

Каждый солдат должен был, по возможности, беречь как оружие, так и обмундирование. Приходилось самому латать и чинить мундир, порты, обувь, головной убор. Пример подавал царь Петр, который любил ходить в простом солдатском кафтане.

Как-то раз заспорили адмирал с генералом — чья одежда лучше?

Царь Петр слушал, слушал — он рядом стоял, — смешно ему стало.

— Солдата спросим, — говорит. — Как он порешит, так тому и быть!

Ну, с царем препираться — на неприятности нарываться. Адмирал с генералом поклонились царю в пояс: дескать, согласны.

Приказали солдата кликнуть. Он ружье на плечо и строевым шагом во дворец прибыл. Отдал честь — готов служить, ваше величество!

— Отвечай, служивый, — царь спрашивает, — без утайки да лукавства — чья одежда лучше? Генеральская или адмиральская?

Оглядел их солдат с ног до головы:

— Если прямо сказать, ваше величество, — говорит, — так лучше моего кафтана нет! Ему все нипочем! Я бы его и за две шубы не отдал!

Генерал с адмиралом и глазом не моргнули: мало ли, что солдат брякнет?

А царь Петр вдруг и говорит:

— Теперь спор — меж тремя! Если генерал выиграет — быть ему генералиссимусом. Если адмирал — над всем флотом командиром станет. А коли солдат верх возьмет, получит чин высокий!

— И как же, позвольте, решать будем? — спрашивают военачальники.

— Сперва попросим его светлость батюшку-Мороза, чтобы покруче завернул, — отвечает царь. — Затем его сиятельство Солнце, чтобы жарче припекло. Кто выдюжит, тот и победитель! Завтра поутру и начнем кампанию.

Генерал приехал во дворец, позвал верного денщика и приказывает ему:

— Вот тебе, братец, кошель с золотом! Скачи к батюшке-Морозу, поклонись и проси, чтобы меня сильно не студил. А адмирала с солдатом пусть хоть в сосульки оборотит!

Ускакал денщик, а генерал уже в зеркало глядится: видит себя генералиссимусом.

Приехал и адмирал к себе домой, позвал ординарца:

— Скачи рысью к его сиятельству Солнцу! Передай ларец с камнями

самоцветными. Да проси слезно, чтоб оно меня завтра не слишком-то пекло. А вот от генерала с солдатом пусть хоть одни головешки останутся!

Ординарец не заставил себя долго ждать. Адмирал радуется: завтра под его началом царский флот будет!

А солдат в казарме старый кафтан чинил — заплатки ставил, прорехи штопал. К утру и закончил работу.

Вот приходят все трое к царю Петру.

— Так с чего начнем, господа? — спрашивает царь. — Сами выбирайте — со стужи либо с жары!

— Со стужи! — кричит генерал. — Со стужи!

— С жары! С жары! — еще громче кричит адмирал.

«А мне все одно, — думает солдат. — Что жара, что стужа! Мне все ни о чем — и с той, и с другой хорошо знаком».

Подкинул царь монетку.

— Первой будет стужа, — говорит. — Принимайся за дело, Мороз!

Едва успела царская свита во дворце схорониться, как упала на двор стужа лютая, Мороз все живое в лед обратил. Камни и те покряхтывают.

Адмирал и генерал не шевелятся. В шубах на трех мехах так заиндевели, что на копны сена стали похожи.

А солдат свой кафтан потуже подпоясал, ногами притопывает, руками прихлопывает — то присядет, то привскочит. Уши, нос да щеки разотрет, да пробежится по двору из конца в конец. И сам себе командует:

— Коли! Бей! Коли! Бей!

Чем батюшка-Мороз свирепей, тем солдат прытче. Не угнаться за ним!

— Ну, довольно! — говорит царь Петр. — Мороз на славу постарался, поглядим, кто жив остался!

Схлынула стужа. Птицы запели, деревья ожили — весна на дворе!

Вышел царь со свитой из дворца. Смотрит — солдат стоит навытяжку, а генерал его распекает. Мол, в штыковой атаке колол криво и бил косо.

— А что же адмирал? — удивился царь. — Почему шубу не скидывает?

Подошли к адмиральской шубе — кое-как полы отворотили. И выпала оттуда толстая сосулька в мундире...

— Вот оно как! — нахмурился царь. — Стало быть, плоховата его одежонка! Похороните адмирала со всеми почестями, как павшего на поле боя. А нам надо спор закончить...

— Да ведь я, царь-батюшка, уже выиграл! — взмолился генерал. — Неужто мне с солдатом тягаться?

— Спор есть спор! — прикрикнул царь. — Тут чины не в счет! Ясно Солнышко, действуй!

И только укрылся царь со свитой во дворце, как

окутало двор небывалым жаром. Реки, ручьи, озера вмиг высохли. Леса да поля почернели. Звери в глубокие норы забились: еле дышат.

Генерал глаза выкатил, язык вывалил! А солдат как ни в чем не бывало — марширует по двору, носочек оттягивает. Любо-дорого поглядеть на солдатскую выправку.

Старается Солнце, печет! Генерал сморщился, будто груша сушеная. А солдат ружьишком поигрывает, усы подкручивает.

— Эх, Солнце! — говорит. — Ты же русских солдат в боях и сражениях видело! Там пекло, не чета твоему, и то — сдюжили!

Притомилось Солнце, затуманилось сиятельство, и ушел со двора небывалый жар.

Вышел из дворца царь со свитой.

Глядят — краснощекий солдат как ни в чем не бывало несет караульную службу.

А генерал превратился в головешку!
— Значит, и этот не сдюжил, —
прищурился царь. — Проводить в по-
следний путь с почестями, как пав-
шего в бою! А тебе, солдат-молодчи-
на, быть отныне в высоких чинах.

— Ваше величество, дозволейте уз-
нать! — спрашивает солдат. — А мож-
но ли мне и вперед в солдатском каф-
тане ходить?

— Это непорядок! — говорит царь
Петр. — Не по уставу!

А солдат свое гнет:

— Окажите милость, ваше величе-
ство, оставьте меня в солдатах! По
мне, мой солдатский кафтан дороже
любой шубы и мундира. А без чинов,
глядишь, и шишек меньше!

— Будь, по-твоему, служивый, —
улыбнулся царь. — Сказывали, плох
тот солдат, что не желает стать гене-
ралом, да теперь знаю — брехня это...

И выдал царь-батюшка солдату
жалованье на три года вперед.

Пословицы и поговорки

За правое дело сражайся смело.

Враг боек, а наш народ стоек.

Русский солдат не знает преград.

Смелого пуга боятся,
храброго штык не берет.

Всякая пуга грозит,
да не всякая разит.

Сам погибай, а товарища
выручай.

Солдат спит, а служба идет.

Беззаботный монастырь

Во времена петровских преобразований каж-
дый должен был работать, отдавая все свои силы
на благо России. А если находились такие, кто
уклонялся от работы, то царь Петр с ними не це-
ремонился.

Жили в одном монастыре ни много
ни мало, а ровным счетом триста мо-
нахов, да еще один игумен.

Богатый был монастырь: доходы
поступали со всех сторон. И жили мо-
нахи припеваючи: пьют-едят, сладко
спят, а работы никакой. Так хоть ты-
сячу лет живи — не тужи.

Прослышал про такое беззаботное
приволье царь Петр и задумался:

«Как так? Весь народ, да и сам я,
грешный, — в трудах да заботах. Ни
днем ни ночью покоя нет! А тут три-

ста монахов да еще один игумен как сыр в масле катаются. Ни заботы у них, ни работы. Ожирели, поди, на легких хлебах».

И послал царь-батюшка гонца в монастырь.

— Передай, вестовой, тамошнему игумену вот что. Во-первых, приказал-де царь сосчитать звезды на небе. Во-вторых, узнать, глубока ли земля. И, в-третьих, пусть игумен сообщит, что у меня, царя-батюшки, в голове. Сроку на все про все — три дня! А на четвертый жду во дворце самого игумена. Коли не ответите на мои вопросы, отправлю монахов лес валить для строительства флота.

Получил игумен царский приказ и запечалился:

— Ох, ангелы небесные, пришла к нам беда неминуемая!

Собрал всех монахов и рассказал им, как жизнь вдруг повернулась к ним плохой стороной. Монахи головы повесили, закручинились. Думали, думали — так ни до чего путного и не додумались.

Зашел о ту пору в монастырь оставной солдат. И видит: кругом тоска да уныние, будто помер кто.

— Чего, братие, горюете? — спрашивает. — Всегда жили без нужды, без хандры, а теперь скука в глазах.

Тот солдат с детства на монастырских землях батрачил, знал здешние порядки.

— Ох, служивый, — отвечают ему монахи, — плохо нам! Велел царь три загадки отгадать, и через три дня на четвертый игумену с ответами во дворец предстать.

— Какие такие загадки? — интересуется солдат. — Я дюже охоч, братие, до всяких загадок!

Монахи едва не плачут:

— Надобно сосчитать все звезды на небе, выяснить до самого дна глубину земли да узнать, что у царя на уме. Это тебе, служивый, не шутки!

А солдат только посмеивается:

— Ну, кабы я был на вашем месте, сполна бы ответил царю-батюшке.

Монахи тут же побежали к игумену в келью. Так, мол, и так, — пришлый солдат берется загадки разгадать и перед царем ответ держать.

Игумен чуть не в ноги солдату кланяется:

— Бери, любезный, чего пожелаешь, да только пособи нашему горю — научи, как царю ответить!

— Ничего мне не надо, — солдат говорит, — от Божьих людей. Давай свою рясю. Так и быть, пойду с докладом вместо тебя.

Обрадовался игумен, и монахи повеселели — прислал-таки Господь заступника!

Стали солдата угощать-потчевать:

— Пей, ешь, православный, чего душа пожелает!

И сами не забывали праздновать.

Но приспела уже пора к царю идти. Надел солдат поверх кафтана рясу игумена и явился во дворец, как приказано было, на четвертый день.

— Что скажешь, слуга Божий? — спрашивает царь. — Есть ли у тебя ответы на мои загадки?

— Так точно, ваше величество! — солдат по привычке честь отдает, да каблуками щелкает. — Насчитал я на небе ни много ни мало, а ровно семьсот сорок две тысячи четыреста семьдесят девять с половиной звезд, начиная от Луны и Солнца.

— Да верная ли это цифирь? — усомнился царь Петр. — Нету ли ошибки в расчетах?

— Никак нет, ваше величество! — рапортует солдат. — Три раза считал — все сходится, до последней половинки. Можете сами проверить!

Почесал затылок царь-батюшка, ус покрутил:

— Ну, ладно, — говорит. — Пусть будет по-твоему. А как дела с глубиной земли?

— О, ваше величество! — развел солдат руки во всю ширь. — Земная глубина крепко велика!

— Да как же ты узнал? — прищурился царь.

Вздыхнул солдат, вроде вспоминая тяжелую работу:

— Ох и долго мерил, ваше величество! Родитель мой, светлая ему память, ушел в землю ровно тридцать лет назад, и до сей поры не возвратился. Не иначе — крепко велика глубина земная!

Откашлялся царь и говорит:

— Похоже на правду. А теперь отвечай, о чем я думаю? Что у меня, у царя, на уме?

— Простите, ваше величество, что в голову царственную подглядываю! — потупился солдат. — Однако на уме у вас, вижу, такая дума: «Каков шельма-игумен молодец!»

Растрогался царь Петр, аж слезу смахнул:

— Молодчага, игумен! На все, шельма, ответы нашел!

— Никак нет, ваше величество! — опять щелкнул солдат каблуками. — Вот тут-то как раз ошибка в расчетах! Приняли вы меня за игумена — настоятеля монастырского. А я — отставной солдат, только и могу по струнке перед вами стоять.

Скинул он рясу и рассказал всю правду без утайки. Повеселил царя-батюшку.

Щедро наградил Петр Великий отставного солдата и назначил государственным советником по безответным вопросам.

Ну а триста монахов и один игумен жили в монастыре почти как прежде. Если не считать того, что каждое утро после молитвы на работу выходили; с Божьей помощью повалили они немало леса для корабельных нужд.

Солдат и царица

Наверное, эта сказка родилась в период царствования Анны Иоанновны (1693–1740), которая имела весьма скверный характер. Немало людей, в том числе и солдат, пострадало от сурового нрава императрицы.

Охранял молодой солдат-grenadier покои царицы. Ходила царица мимо, не замечала его. А тут на беду вдруг заметила — улыбается солдат!

— На службе?! Что за дерзость! — говорит грозно.

Растерялся солдат — чего тут скажешь?

— Ах, молчишь?! — разгневалась царица. — Отвечать не желаешь?! Ну, так будет тебе, вместо завтрака, двадцать палок на спину!

Начальство, как всегда, радо стараться. Выписывают бедному служивому каждое утро по двадцать палок. И так месяц пошел, другой...

Уже свет белый солдату не в радость. В глазах — потемки. Не жизнь у солдата, а сущий ад. Ходит солдат потерянный, по сторонам не глядит.

И вот слышит однажды чей-то голос ласковый:

— О чем, служивый, печалишься?

Стоит перед ним придворный дурачок, что злую царицу веселил.

И рассказал солдат шуту-скомороху, что по приказу царицы бьют его палками на завтрак.

— Уже, братец, спины не чую, — вздыхает. — Еле ноги таскаю. Тянет меня к себе сыра земля! Утопиться, что ли?

— Это дело немудреное — всегда успеется! — отвечает дурачок. — Да, может, как знать, я тебе помогу... Есть в городе сапожник, а у него женка как две капли воды похожа на нашу царицу. Давай ночью перенесем царицу к сапожнику, а сапожницу во дворец. Авось, хуже не будет.

— Господь с тобой, — замахал руками солдат. — А что как они проснутся?

Захохотал дурачок.

— Наша царица целые дни сердчает да злится, и так бедная умается, что никакими пушками не разбудить. А сапожница по хозяйству выматывается, ей тоже не проснуться. Уж поверь мне, служивый.

— Ну ладно, — говорит солдат, — мне выбирать не приходится, все одно забьют до смерти.

А дурачок-скоморох похлопал его по плечу и говорит:

— Не бойся, если что — вину на себя возьму. Какой с меня спрос, ведь я дурак.

На том и порешили.

Ранним утром, еще солнце не взошло, пробудился сапожник, толкает жену в бок:

— Подай, баба, квасу!

— Молчать! — взвилась спросонок царица. — Какая такая баба?! Я тебе — государыня!

У сапожника даже челюсть отвисла.

— Ты, женка, спятила?! Аль баранины на ночь объелась?

— Мужик нечесаный! — завопила царица. — Эй, стража!

— Сейчас, погоди, будет тебе стража, — кивнул сапожник. — Уже спешит во все лопатки!

Снял кнут со стены и давай царицу охаживать.

— Вот те, баба, стража! Вот те мужик нечесаный! А вот и государыня! Уморился и снова захрапел.

А царица вся в слезах сидит в уголке и размышляет:

«Где я, на каком свете? — думает. — На этом такого быть не может! Похоже, я на том свете — не иначе, как в аду».

Совсем ослабела царица от таких мыслей, да и прилегла на кровать.

А сапожник вскоре пробудился — на работу пора! — и снова жене в бок пихает:

— Ну, баба, ты и впрямь очумела! Живо за хозяйство!

Но строптивая царица, хоть и думает, что в аду, а не отступает.

— Пошел прочь, простофиля! — и раз! — пощечину ему. — Что хочю, то и ворочу! Прикажу — в кандалы закуют! Захочу — высекут!

Сапожник ушам своим не верит: сроду такого не слыхал! Да еще и от собственной бабы.

Схватил веревку, свернул вчетверо, и царицу — вдоль-поперек:

— Завтрак на стол! Коней почистить! Огород прополоть! Полы вымыть!

Так от всей души втемяшивал, что взялась-таки отлупцованная царица по хозяйству хлопотать. Да все у нее наперекосяк: из рук валится, бьется и ломается.

Затеяла стирку — рукава у рубахи оторвала.

— Наверное, я захворала, — говорит царица.

— Сейчас здоровехонька будешь, — ободряет сапожник, — Кнут-молодец все болезни лечит!

«Ну, суший ад, — думает царица. — Может, мне в этой поганой лохани утопиться?»

А сапожник и думать-то не позволяет. Знай, учит — то кнутом, то веревкой — что в руки попадет. В аду, конечно, побольше чертей, но рядом с царицей за ее грехи — самый главный: сапожник! Живого места на ней не осталось. Ни прилечь, ни присесть. Только и остается, что у плиты стоять да чужие порты стирать.

Тем временем настоящая жена сапожника проснулась в тишине и покое. Вокруг шелковые кружева, батист и парча, атлас и позолота.

«Видно, померла я, — думает, — да только не упомяну, как и когда. Должно, муженек прибил!»

Встала с пуховых перин. Ходит по дворцу и всему дивится:

«Слава тебе, Господи, простил мне грехи за труды мои и мучения! Прямехонько в рай отправил».

В условный час припорхнули фрейлины, будто ангелы небесные, и начали ее одевать, причесывать, локоны завивать. Сами в толк не возьмут, чего это их царица — не кричит, не бранится, не грозит ссылкой, кандалами да розгами.

А как раз в тот день брата старшей фрейлины должны были судить за пустяковый проступок. Набралась она храбрости, упала царице в ноги:

— Ваше величество, помилуйте моего брата! Только молвите: «Оставить без суда и следствия!»

Ну, это жене сапожника очень даже по душе. Скоро в сенате все рты поразевали — с чего бы царица всех подряд милует? Как заходит речь о каком-нибудь судебном деле, так она сразу — оставить без суда и следствия! Не водилось за ней такого!

А как начали слушать дела о телесных наказаниях, так царица во весь голос:

— Отменяю! — и ногой топнула.

Понятно, и в армии перестали палками муштровать.

Тот солдат, которому каждое утро выписывали по двадцать палок, рад-радешенек. Идет по улице, улыбается направо-налево, честь отдает, каблуками щелкает. И видит — знакомый дурак-скоморох навстречу идет. Солдат в ноги кланяется:

— Спасибо, тебе, братец! Прикажи — жизнь за тебя отдам!

— Этого не надо, — говорит дурачок. — Известно, Бог солдат да малых ребят бережет! Только давай теперь вернем жену сапожнику, а царицу — в ее спальню...

Все в точности исполнили.

Проснулась утром царица — снова во дворце. Однако руки от сажи черны, да и синяков хватает. Значит, это был не кошмарный сон, а правда!

«Не знаю, как я и выдержала! — думает царица. — Да жив ли тот солдатик, которому я, вместо завтрака, палки прописала?»

Разыскали его, привели. Ничего — бодрый с виду.

— Ну как ты, служивый?

— Теперь хорошо, ваше величество! — отвечает солдат. — Только и зажил, когда ваш приказ отменили.

Улыбается солдат, разве что не смеется — так ему радостно.

— Что ты так развеселился? — спрашивает царица. — Поделись со мной, если я чего не ведаю!

«Будь что будет, — думает солдат. — А правда всегда дороже!»

И выложил все, как на духу, а дурак-скоморох подтвердил.

Помолчала царица, подумала и говорит:

— За то, что претерпел, и за правду твою — произвожу тебя в генералы. А теперь, любезный, покажи мне дом сапожника!

Вот приехали — и точно, тот самый дом. И как будто сама царица в нем: похожа на жену сапожника — прямо как отражение.

Так царица растрогалась, что назначила жену сапожника своей фрейлиной — «зазеркальницей».

А сапожника очень хотела высечь или в кандалы заковать. Но все же сдержалась: Бог знает, как все может обернуться!

Дала ему денег, чтобы новый дом построил, и сказала:

— Запомни, холоп! Поднять руку на свою жену — все равно, что на саму царицу! Коли такое случится, будут судить тебя как государственного злодея. И тогда обещаю тебе двадцать палок каждое утро в течение года.

— Что же мне, — удивляется сапожник, — родную жену и не стегнуть?!

Царица так ножкой топнула, что сапожник и язык прикусил.

Говорят, с тех пор придворный художник, рисующий ее портреты, отметил: изменилось выражение лица императрицы — подобрела улыбка, смягчилось выражение глаз. Недаром говорят: жизнь учит, а люди лечат.

А что же дурачок-скоморох? Да он по-прежнему царицу веселит, а добрым людям помогает!

Солдатская загадка

Часто в русских сказках главный герой выходит из трудных положений, задавая или отгадывая загадки. Они могли родиться из событий, происшедших в действительности. Как в этой сказке...

Жили-были в одном селе муж да жена. И был у них сын Иванушка. В недобрый час померла хозяйка. Мужичок погоревал да и женился на другой. Ну а та невзлюбила пасынка. И толкает, и пихает, и словами последними обзывает. А мужик при молодой жене и пикнуть не смеет. Вот подрос Иванушка, возмужал, стал красавцем писаным. Тут мачеха и вовсе его возненавидела.

— Убирайся вон, — говорит, — из дому, чтоб и духу твоего не было, а не то отправлю иль зарезу ночью.

Вздохнул Иван, собрал котомку с хлебом да квасом и пошел куда глаза глядят. В ту пору набирал царь-государь себе пополнение в войско, и пошел парень в солдаты.

Верой и правдой служил и год, и два. Заслужил и медаль на грудь и уважение, а как разбили русские войска басурманов, вышел ему от начальства подарок — отпуск в родные края. Хоть и не хотелось ему домой возвращаться, а приказ есть приказ.

Прибыл в дом родной. Отец на него не нарадуется, все соседи к нему с почтением, а мачеха прямо позеленела от злости, так и кипит ненавистью.

Вот подходит она к нему как-то с ковшиком кваса.

— Выпей, — говорит ласково, а у самой зубы от злости скрипят.

Иван, как только мачеха отвернулась, выплеснул квас в окошко. И угодил в корытце, из которого конь воду пил. Жеребчик свалился замертво.

— Вот каков твой квасок, — закричал Иван на мачеху. — Сейчас тебя саблей привечу, ведьма проклятая.

А та верхом на метлу и со свистом в трубу вылетела. Ведьма!

Попрощался Иван с отцом и в полк отправился. А перед дорогой отрезал ногу от падшего батюшкина коня, зажарил мясо на костре и в ранец уложил. Авось, думает, пригодится.

Зашел в темный лес, и окружили его двенадцать разбойников. Страшные, косматые, вооружены до зубов.

— Держись, солдат, — атаман говорит, — мы тебя грабить будем!

— Денег у меня нет, а есть печеная конина в ранце. Мясо вкусное.

Разбойники на мясо набросились, а через минуту замертво попадали.

— Ядовитая отравка! — говорит солдат. — И огонь ее не изничтожил.

Ранец за спину повесил и пошел шагом маршевым.

Прибыл Иван в полк. А кругом суета: басурманский султан снова пошел войной на Русь. День бьются солдаты с нехристями, другой, третий... Народу полегло — не счастье!

Царь с их султаном затеяли переговоры и порешили: победителем будет тот, кто лучшую загадку загадает.

Царь собрал своих мудрецов, султан — своих и начали они премудрые загадки задавать. Да только и те, и другие все ответы знают.

Тогда солдат Иван из строя вышел:

— Ваше величество, разрешите мне свою загадку султану загадать.

Царь позволил. Подошел тогда Иван к султану и молвил:

— Отгадайте мою загадку: один мертвый дюжину живых умертвил...

Думали-думали султанские мудрецы, не находят ответа. У самого султана от мыслей аж чалма вспотела...

— А раз так, — говорит солдат, — то признавайте поражение, ваше султанское величество. Уговор на Руси дороже денег.

Рассвирепел султан. Бросил клич своему войску — в атаку идти.

— Ах так! — вскричал солдат Иван. — Налетай, сила басурманская, узнаете, как русский солдат сражается. Один — хоть живой, хоть мертвый — дюжину ваших уложит.

И пошла тут битва великая. И в конце концов, одолели наши басурманскую силу, султана в плен взяли. А солдату Ивану за храбрость и отвагу сам царь чин офицерский пожаловал и орден на грудь повесил.

Каша из топора

Это самая известная солдатская сказка. Вариантов ее очень много. Во все времена солдатская жизнь не отличалась обильной и изысканной пищей, и потому служивые применяли свою находчивость и смекалку, чтобы вкусно и сытно пообедать.

Шел, было дело, удалой солдат на побывку домой, ногами версты мерил. Дождем его поливало, ветром обдувало, солнцем припекало. Иззяб, оголодал. Притомился в дороге. А тут как раз малое сельцо на пути.

Как говорится, идет солдат селом, да глядит кругом. Видит: изба справная. Постучал в дверь.

Вышла к нему хозяйка.

— Здравия желаю, красавица! — говорит солдат. — Пустите отдохнуть с дороги усталого человека, кости погреть.

А хозяйка в ответ:

— Как же, как же, есть у меня клеть.

Хозяйка-то скупая да хитрая была. Всего у нее вдоволь, а солдата жалко накормить. Прикинулась глуховатой. Одно на уме — как бы незваного гостя спровадить...

— Какая такая клеть?! — говорит солдат. — Обогреться бы мне да чего-нибудь поесть.

— Вот на гвоздике и повесь!

— Да никак ты совсем глуха? — спрашивает солдат.

А хозяйка всплеснула руками:

— Я про то и говорю, что нет петуха. Только служивого человека на мякине не проведешь. Как гаркнул солдат:

— Шагом марш! Левой! Левой! — и прямым ходом в избу ввалился.

«Погоди, — думает. — Сейчас я тебе глухоту-то вылечу!»

— Значит, ничем меня не попотчуеть? — усмехнулся солдат.

— Ну, где хочешь, там и заночуеть, — гнет свое хозяйка.

Лег солдат отдыхать на лавку, ранец под голову положил. А голодное брюхо покою не дает. Тут приметил он в углу у печки топор.

— Дозволь, хозяйюшка, кашу из топора сварить.

Хозяйка руками всплеснула:

— Как так? Впервые слышу — из топора каша?

— А вот, дай-ка, красавица, чугунок побольше да разведи в печи огонь.

«Экие чудеса! — думает хозяйка. — Дай погляжу, как из топора кашу варят».

Принесла здоровенный чугунок. Солдат налил воды, поставил на огонь, топор с топорича снял, вымыл и положил кипятиться.

Хозяйка глаз не отводит.

Солдат достал из-за голенища ложку, помещивает варево, пробует.

— Ну как, вкусно? — спрашивает хозяйка. — Уварился топор-то мой?

— Скоро каша будет готова, — отвечает солдат. — Жалко, соли нет!

— Соль-то у меня найдется.
Солдат посолил. Снова попробовал:
— Эх, всем хороша! Да вот бы гор-
сточку крупы...

Принесла хозяйка из чулана мешочек с крупой:

— Заправь уж, как надо.

Варит солдат, помешивает, пробу-
ет да хвалит:

— Ну, генеральская каша — одно слово! А кабы чуточку масла, была бы царской!

Сроду хозяйка не пробовала царской каши. Любопытно ей! Принесла из погреба масло.

Солдат сдобрил кашу маслицем и говорит:

— Вот теперь — подавай хлеб, красавица, да бери ложку.

Едят они кашу да похваляют.

— Не думала-не гадала, что из топора этакую царскую кашу можно сварить, — дивится хозяйка.

Солдат ест за обе щеки, посмеивается.

— Ну, спасибо, хозяйка, — встал из-за стола. — Солдаты, что малые ребята: и много поедят, и малым сыты.

Достал топор из чугунка, дал коту вылизать. Потом надел топориче и на свое место положил.

Подкрепился солдат, обогрелся, распростился с хозяйкой и снова пошел версты мерить — на побывку, до дому.

Волшебные карты

В русской армии азартные игры были запрещены. Но среди офицеров этот запрет не действовал. Сюжет этой сказки характерен для анекдотов начала XIX века. Бравый и лихой гусар обыгрывает в карты нечистую силу и наказывает ее.

Шел 1812 год. Служил гусар на царской службе, громил со всеми Наполеона. Через год до Германии дошел. А тут случилось непредвиденное: после боя с французами отстал от своего полка. Надо догонять!

Конь притомился. Гусар сел на пенек передохнуть. А тут идет по дороге старичок. Увидел гусара и говорит:

— Не найдется ли у тебя, служивый человек, табачку на понюшку?

Гусар думает: «Дать половину — обидится», — весь табак и отдал.

Дальше поскакал. Немного погодя встречается ему все тот же старичок:

— Не угостишь, служивый, — просит, — голодного кусочком хлеба?

Гусар думает: «Разделить, ничего не останется», — и отдал весь сухарь.

Скачет дальше. И снова знакомый старичок.

— Не подашь ли, — говорит, — на бедность копеечку?

Гусар думает: «Эх, пятак-то у меня один — не поделишь», — и отдал последний.

Тут вынимает старичок из кармана колоду карт и протягивает гусару:

— Возьми, служивый. Это такие карты, в проигрыше не останешься.

Гусар поблагодарил старичка и дальше поскакал.

Долго ли, коротко, а прибыл он в город немецкий. Бродит там-сям

и диву дается — так тихо вокруг, ни слова, ни смеха... Даже в трактире мирно и покойно!

Остановил посреди улицы старушку и спрашивает:

— Уж не беда ли какая, бабуля, в вашем царстве-государстве?

— Эх, служивый, — шепчет старушка, — одолевает короля подлый дух нечистый. Самый главный черт и вся его нечисть каждую ночь мучают. Никто не может избавить его от налетного беса...

«Эка! — думает солдат. — Всякого навидался на службе-то — и черта, и дьявола, и сатану, и бесов без счета! Выручу, пожалуй, короля».

Почистил мундир от дорожной пыли, пуговицы мелом надраил и — прямо во дворец. Как дознались слуги, какое у гусара дело, подхватили под руки и привели к королю.

А на того горько поглядеть — слезы отирает, то с правого глаза шелковым платочком, то с левого.

— Здр-а-ав-ствуй, гусар, — говорит, сморкаясь. — Зачем пожаловал?

— Здравия желаю, ваше величество. Слышал, будто ты совсем расхворался, так я берусь вылечить — избавлю тебя от нечисти.

Ох и обрадовался король, вскочил с трона, гусара обнял.

— Сделай милость, братец, услуги! Коли поможешь, бери мою дочь в жены, да еще, как водится, полгосударства на закуску.

— Еще поговорим! — говорит гусар. — Прикажите, чтобы выдали мне для дела все, что потребуется.

— Будь спокоен! — обещает король.

В тот же вечер доставили гусару его заказ — меру свинцовых пуль, меру грецких орехов и чугунного болвана, подобного человеку, с руками и ногами на злющих пружинах.

Обошел гусар дворцовые палаты да крепко-накрепко окна-двери запер.

Перед дверью разместил стол дубовый, расставил стулья. Свечи зажег и дареную старичком игральную колоду так выложил, чтобы сразу в глаза бросалась. Да чугунного болвана в самый темный угол поставил — ну вылитый ротный командир.

Насыпал на стол свинцовых пуль и орехов круглых. Только управился, как слышит — ломится какая-то тварь во все двери. Мечется туда-сюда, будто летучая мышь. У входа в спальню брякнулся черт об пол и встал на ноги в облике короля чертей — рогатого старика в наряде человеческого. А с ним свора бесовская: вурдалаки, черти немецкие, колдуньи, ведьмы и прочая нечисть.

Гусар саблю наголо.

— Кто идет?!

— Свои, — лукавит бес. — Я придворный! Пропусти, служивый!

— Не велено, — говорит гусар. — Нечистая сила тут не в почете!

А сам берет орешки со стола и пощелкивает. Бес не стерпел:

— Послушай, любезный гусар, дай-ка и мне похрумкать.

— Так и быть, — протягивает гусар бесу пригоршню пуль.

Бес полную пасть набил и ну — грызть! Треск да хруст по дворцу! Пулям что? А вот клыки бесовские сыплются в стороны, точно скорлупа.

Гусар меж тем дюжину орехов, словно семечки, налузгал.

— Крепки у тебя зубы! — дивится бес.

— Да что там! — усмехается гусар. — Давно уж притупил на службе сухариками, а в молодые годы таким зубастым был — не тебе ровня!

Обидно бесу, а возразить нечего. Вот и думает, как бы гусара унижить — чтобы знал, кто тут главный.

И вдруг видит — карты игральные! А в карты бес любого надует.

— Перекинемся, что ли, служивый!

— А на какой интерес?

— Знамо дело — на деньги!

— Орехов объелся? — вскричал гусар. — Откуда у меня деньги? Только в баню сходить, бороду побрить да ваксу купить! Играем на щелчки...

— Ну, коли ты такой бедный, пусть на щелчки, — согласился бес. — Да чтоб не пятиться!

Сели играть. Бес — дух нечистый. И на руку нечист — мухлюет, подтачивает. Все пять тузов у него в руках! Вся нечисть вокруг суетится да своему владыке ходы подсказывает.

Гусар, хоть и видит его проделки, а помалкивает. Более того — поддается, ведь карты-то волшебные.

Чертовски не везет бесу! Вмиг проиграл десять щелчков.

— Готовься! — говорит гусар. — У меня каждый палец, как дубинка, а большой — крепче булавы!

Струсил бес, аж побледнел:

— Ты, служивый, уж не во всю бы силушку! Не особенно старайся! А лучше возьми деньгами!

— На что мне деньги твои нечистые, — усмехается гусар. — Играли на щелчки, вот и расплачивайся! Хотя сердце у меня жалостливое. Тут в уголке мой дядька-ротный отдыхает — рука у него легкая, старческая — он тебя не обидит...

Подвел беса к чугунному болвану, оттянул тугую пружину. Ну, «ротный» огрел беса со всего маха, как молотком, — тот кубарем покатился.

— Э, нет! — говорит гусар. — Был уговор не пятиться.

Приволок главного беса обратно. Оттянул пружину. Да так угостил чугунным кулаком, что бес еле очухался. И бежать без оглядки! А вся нечисть за ним. Гусар им вслед:

— Куда, окаянные? Еще восемь щелчков!

Да где там! Все черти немецкие, ведьмы, колдуньи да вурдалаки сгнули без следа. Развеялись дымом по миру, как их и не бывало.

Утром встретился гусар с королем. У короля и слезы высохли, и насморк прошел.

— Вот что, служивый, — говорит король. — Мое слово верное. Про принцессу не забыл! Хотя ты ее и в лицо-то не видывал, а бери в жены, как обещано, а также и полгосударства на закуску. А как я помру, так и со всей страной справишься.

— Спасибо, добрый король! А только не могу я твоих даров принять. Мне надобно свой полк догонять. Пойду французикув добивать! Своему Отечеству служить!

Зверь и человек

Рассказывали солдаты эту сказку молодым необстреленным новобранцам, чтобы те не трусили. И знали: никто не может победить русского солдата — ни лютый враг, ни страшный зверь.

Известно, что лев — царь зверей. Вот как-то раз стал молодой лев перед другими зверями хвастаться да задираться.

— Я царь над всеми вами, и вы должны мне в ножки кланяться, трепетать передо мною и бояться, а не то всех порву на клочки. Потому как нету на всем белом свете никого сильнее меня!

Ничего не ответили звери: лев — сильнее всех! Только старая мудрая лиса покачала головой и молвила:

— Пойди, ваше величество, по дорогам погуляй, авось найдешь того, кто сильнее тебя.

Зарычал лев на лису, да не тронул: пожалел старую.

Пошел на дорогу прямоезжую. Идет гордо, грива рыжая по ветру развевается.

А в ту пору шел по дороге солдат. Ружье за плечами, сабля на боку, в ранце чистая рубаха да хлеба горбушка. Глядит, а навстречу ему идет огромный лев, пасть скалит да усы топорщит. Однако солдат не испугался. Только ружье на изготовку взял...

— Кто таков? — спрашивает лев.

— Человек, — отвечает солдат.

— Сейчас я тебя съем, — оскалил пасть лев.

— Э, нет, — говорит тот. — Русский солдат не для того ратной науке учился да кровь проливал в боях с басурманами, чтобы ты меня съел.

— Съесть тебя дело нехитрое, — захохотал лев. — Видишь, какая у меня пасть.

— Огромная, — соглашается солдат. — Да и клыки большие, словно ножи. Только русский солдат врага не ждет, а первым

в атаку идет. Ты раскрой пасть пошире, а я сам в нее прыгну.

— Сам так сам, — и лев распахнул пасть во всю ширь.

А солдат из ружья как пальнет в львиное горло. Еще и штыком его в брюхо пырнул. И остался лев лежать на пыльной дороге.

— Эх ты, царь зверей! — горько вздохнул солдат. — Силы много, а ума мало. Зачем на служивого человека бросаешься? На мне все царство-государство держится!

Ружье перезарядил, за спину закинул и пошагал по дороге, напевая песню про удаль солдатскую.

Собрались звери у мертвого льва. Молчат, каждый о своем думает.

— Вот и узнал наш царь-государь, — говорит старая лиса, — кто сильнее его. Солдат всех сильнее, всех отважнее. Его за три версты обходить надобно.

Алеша-попович

Бывали сказки волшебные, а бывали и бытовые. Там чудес особых не происходило, но смысл в них был велик. Недаром на Руси бытовала пословица: «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам — урок»...

Жил-был поп. Приход большой, доход немалый. Было у попа три сына и одна дочка. Старшему вдруг взбрело в голову стать солдатом.

— Что за напасть такая, — расстраивается поп. — Уж для тебя, моего Алеша-старшенького, все уготовлено. И местечко теплое при мне, и невеста — дочка купца богатого, а после моей смерти главным в приходе будешь...

Однако ни слова ласковые, ни укорения, ни увещевания не помогали.

— Хочу быть солдатом, — твердил Алеша, — землю родную от ворога

беречь. Алеша Попович Русь-землю в обиду не давал, и я таким буду!

Алеша нашел офицера, что рекрутским набором ведал, и рассказал о своем желании. Тот аж закашлялся от такого невиданного дела.

— Солдатом быть тяжело, служба трудна, а на войне и убить могут.

— А на то и солдаты, чтоб жизнь свою за Русь-матушку отдавать, — отвечает Алеша. — Что ж, одни кровь должны проливать, а другие на печи лежать?!

Уж уговаривали его и офицеры, и матушка, и сестра с братом. А все довершил младший сынок попа.

— Правильно, Алеша, делаешь, — говорит он. — Я вырасту и тоже в службу воинскую пойду, чтоб от врагов-басурманов землю нашу беречь.

Зацыкали все на него, замахали руками, а Алеша рассмеялся да братика меньшого на руки взял.

— Недаром говорится, устами младенца глаголет истина...

Поняли все, что не переспорить его, и смирились. Благословил батюшка сынка на дела ратные, когда тот поутру домой прибыл в мундире.

— Служи честно. Вон на шапке твоей орел российский короной крестовой увенчанный. Будь силен и храбр, как сей орел, и Крест Христов так же гордо носи. Иди с Богом и знай: я тобой горжусь!

Простился Алеша с батюшкой, матушкой, сестрой любимой, братцем средним, а младшенького троекратно расцеловал. И ушел на войну. И там прославился воинской доблестью, награды заслужил и чин офицерский. А после стал полковым священником и воодушевлял солдат-братьев на подвиги ратные. Так и получилось, что и воином был, и служителем Бога. Настоящий богатырь Алеша-попович!

Как черт осодгатея

Кроме всевозможных врагов, главными врагами солдат были черти. Немало сказок посвящены противоборству служивого и нечистой силы. Но благодаря храбрости, отваге, смекалке и вере в Бога солдат всегда выходил победителем.

Служил солдат на царской службе. Год служил, два, пять, а все не выходит ему срок. Царская служба — долгая. Скучает по жене красавице и сыночку малому. Стоит на часах и тоскует: охота на родине побывать!

— Хоть бы, — говорит, — какой черт меня туда снес!

А черт, конечно, тут как тут. Только помяни!

— Зачем, — говорит, — звал меня? Чего надо?

— Да вот домой на побывку охота.
— Это для меня пустячное дело, — говорит черт. А чем платить будешь?
— Бери последний пятак!
— На кой мне твой пятак? — плюнул черт. — Душу отдашь, возьму!
— Если сгодится, забирай, — говорит солдат. — Тут другая загвоздка! С поста уходить нельзя — присягу давал...
— Ладно, сам постою вместо тебя, — говорит черт. — Авось, не тресну!
И порешили: солдат в деревне год проживет, а черт за него отслужит.
— Скидывай амуницию! — торопит черт. — А с ней и душу выкладывай.
— Э, нет, — солдат говорит. — Солдатская душа не балалайка. Как же я без души домой приду? Да и кто тебя знает, черта, может, обманешь.
— Несговорчивый вы народ, солдаты, — поморщился черт. — Ну да ладно, вернешься — рассчитаемся.
На том и сошлись.

Солдат казенное обмундирование с себя скинул, и — моргнуть не успел! — дома очутился.

А черт вместо него на часах стоит. Подходит к нему генерал. Видит, выправка у часового что надо. Глазами начальство ест. А вот с ремнями беда. Их бы крест-накрест через грудь, а они через плечо болтаются.

— Эт-то что за кавардак? Почему ремни повязал не так? — хмурится генерал. — Надеть по уставу!

Черт и так, и сяк — и мнется, и ежится, да никак ремни не приладит...

Но генерал долго ждать не привык.
— Болван! — кричит. — Раз-зьява! Проучить его хорошенько!

Генеральский приказ, что отцовский наказ. Стали черта учить. Каждый день учат — порют розгами.

И вроде бы всем хорош солдат! Службу несет справно. Ну не к чему придраться, кабы не эти ремни. Учи

ты его, не учи, а болтаются, хоть плачь, через плечо. Откуда у солдата такое упрямство?

— Ну, дурья башка! — просит ротный. — Чего тебе стоит, братец, присобачить их по форме, крест-накрест?

Да где ж это видано, чтоб у черта — и крест на груди?! Долго учили его — розгами, плетью, а то и шомполом.

Вот уже год подходит к концу. Солдат дома с женой милуется, с сынком целуется. Все в доме переделал. И в церковь ходил — все грехи отмолил.

Черт не дожидается, когда солдат вернется. Стоит на посту, зорко по сторонам глядит — не прозевать бы.

И видит — ползет кто-то к оружейному складу. Ночь темная, другой бы и не заметил. А черт перед лазутчиком как из-под земли вырос. Хватя его за шиворот и в тюрьму.

«Совсем я осолдател! — размышляет черт. — Не хватало еще мне, черту, злодеев ловить!»

А сам маленько собой гордится.

На другой день зовут его к генералу. Награда его ждет, медаль за по-

имку злоумышленника. И хочет ее генерал самолично на грудь солдатскую приколоть.

А черт думает: «Крышка! Сторю под крестом, словно лучинка! Как бы убраться подобру-поздорову?»

— Дозвольте, — говорит, — ваше высокоблагородие, отлучиться, портянки сменить. Хочется чистым принять награду!

Генерал поморщился, но делать нечего, отпустил. Завернул черт за угол, да нос к носу с солдатом столкнулся.

— Ах, братец! — возликовал черт. — Вот спасибо, не подвел — минута в минуту! Сейчас тебя наградой угостят!

Скинул амуницию — и бежать со всех ног без оглядки. Про душу солдатскую и не вспомнил.

А служивый получил от генерала награду и дальше службу несет. И все у него хорошо, а главное — душа на месте. А все потому, что часто в церковь ходил: грехи замаливал, что с чертом в сговор вступил!

Пословицы и поговорки

Герой умирает один раз,
а трус — тысячу.

Всякому мила своя сторона.

* * *

Жить — родине служить.

* * *

Если по-русски кроен,
то и один в поле воин.

* * *

Знали, кого били,
потому и победили.

* * *

Отчуждение —
еще не поражение.

* * *

Честь солдата береги свято.

Генеральская дочка

Почти все солдатские сказки показывают торжество справедливости над силами зла. И конечно же, простой солдат всегда мечтал получить за удалой подвиг награду, высокий чин и дворянку в жены.

Как-то раз во время сражения спас солдат генерала. Набросились на того турки, сбили с коня, уже ятаганы да сабли взметнули... А тут солдат рядом оказался. Одного супостата — пулей, другого — штыком, третьего — саблей. Так и спас своего генерала. Тот в благодарность решил щедро наградить солдата.

— Станешь, братец, теперь, — говорит торжественно, — моим зятем. Женю тебя на своей дочке Гликерии. Будешь как сыр в масле кататься.

Сказано — сделано! Сыграли свадьбу. А генеральской дочке Гликерии

женишок не по нраву пришелся. Уж очень она капризна да привередлива была.

— Может, он и герой, а все равно мужик, простой солдат. Не хочу с таким век вековать.

И вот, когда генерал по важным делам из дома уехал, задумала Гликерия злое дело. Подкупила слуг верных и велела солдата напоить, а потом связать и в дремучем лесу бросить волкам на съедение.

Так и случилось. Очнулся служивый и понять не может: где он и что с ним. Кое-как от пут освободился, а кругом лес дремучий, куда ни пойдешь — везде чащи непролазные. Поразмыслил обо всем и понял, что это все Гликерия подстроила.

Ну, думает, припомню я тебе. А времени с утра прошло немало: есть и пить хочется.

Вдруг видит: растут на поляне две яблони. На одной яблочки красные,

а на другой желтые. Сорвал красное, попробовал. Сладкое! И тут чувствует, голова тяжелой стала. Потрогал... Боже милостивый, рога выросли, да здоровые, на манер оленьих. Погляделся в ручей, так и есть. Что сделать?

Но солдат смекалистый был, дай, думает, теперь желтое яблочко съем, что тогда будет?

Сорвал, съел. А оно еще слаще, чем красное. Рога-то и отпали! Да и сам похорошел. Глянулся в ручей. Так и есть. Кудри шелковистые выросли!

Понял солдат, что неспроста судьба ему эти яблочки послала. Набрал в карманы и одних, и других...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Добрался он наконец до города. Встретился с другом, поговорили, обсудили. И кое-что придумали.

Переоделся солдат в торговца-лотошника, бороду приклеил и стал возле генеральского дома похаживать, яблочками торговать.

— Набегайте, девицы-красавицы, покупайте волшебные яблочки. От них красоты прибавляется!

Выбежала из генеральского дома служанка. И губаста, и броваста, и бок кривой, и глаз косой.

— Дай, купец-торговец, на копеечку яблочка.

Дал ей солдат самое большое желтое яблоко. Съела служанка его, стала красавицей: выступает, словно лебедь белая, и лицо прекрасное, и фигура хорошая. Побежала та к своей хозяйке.

— Ой, барышня, глядите какая я стала!

А сама от радости то плачет, то смеется. Увидала ее Гликерия и от зависти чуть не подавилась.

— Неси этому торговцу золотые рубли, скупи все яблоки!

Продал солдат красных яблочек. Съела генеральская дочка одно, другое, третье... Вдруг чувствует, что голове тяжело стало. Что такое? Потрогала... Рога!

Подбежала к зеркалу, и правда, рога выросли ветвистые, как у оленя. Завопила, запищала, в обморок упала. Набежали слуги да служанки, уложили ее на постель. А рога все растут и растут!

Кричит Гликерия служанке:

— Беги, мерзавка, найди того торговца!

Побежала та искать, да где там, его уж и след простыл.

А солдат тем временем в иноземного доктора переделся и заявился важным манером в генеральский дом.

— Прослышал я, что заболела дочерь господина генерала, — говорит он вроде как по-иноземному.

А из спальни уже вопли Гликерии несутся:

— Ой, вылечи меня, господин доктор! Озолочу!

Подошел солдат поближе. Лежит его молодая женушка на постели, а рога уже чуть ли не в потолок упираются. Сделали слуги для них полку специальную, чтобы удобнее было Гликерии лежать.

Говорит солдат слугам:

— Вылечу я ее, но надобно перевернуть больную вместе с ее рогами со спины на живот и сами из дома уходите, а то лечение не подействует.

Исполнили слуги все как было велено. Солдат все двери запер, достал

припасенную розгу, задрал обидчице кружевной подол и ну стегать по круглому месту да приговаривать:

— Знай, бесовка, как человека губить! Вот тебе, вот тебе: учись уму-разуму, запоминай да примечай!

Вопит Гликерия, визжит, орет, а слуги во дворе перешептываются:

— Вон как заходитя. Оно и понятно, какое лечение без боли да крику.

А солдат, закончив свое лечение, спрашивает женушку:

— Узнала ли ты меня, Гликерия? Узнала того, кого погубить хотела?

— Ох, муженек миленький, узнала. Клянусь, никогда более не стану творить злое. Любить тебя буду!

— Ну, ладно, — говорит солдат и дает ей желтых яблочек.

Съела Гликерия одно — отвалились рога, съела другое — похорошела, а после третьего писаной красавицей стала. И душа ее от злых червоточин избавилась. Бросилась она солдату в ноги, а тот ее поднял да поцеловал в уста сахарные.

И стали они жить-не тужить, детей растить, добра наживать, нас в гости поджидать.

Барин и солдатская шинель

Эта поучительная сказка показывает, что работающему и служивому человеку ничто не может помешать отдыхать от праведных трудов. А бездельнику и лентяю даже пуховые перины покоя не дадут.

Повстречались на ярмарке барин с солдатом. А барин подвыпивший был. Стал солдат хвалить-нахвалять свою шинель:

— Как дело ко сну — постелю шинель, укроюсь шинелью и под голову шинель! Незаменимая вещь!

Ну, у барина глаза разгорелись. Он и пристал к солдату, прилип, как банный лист:

— Дай шинель померить! Померил, стал просить продать.

Кое-как за двадцать пять рублей сторговались. Пришел барин домой и говорит жене:

— Выкидывай, матушка, перину, подушки да одеялы! Только погляди,

чего купил! И постелю, и укроюсь, и в головах положу!

Жене шинелка пришлась не по сердцу:

— Олух ты! — говорит. — Дубина стоеросовая! Спи теперь, как пес, у дверей!

Ну, постелил барин шинель на лавку. И так и эдак пристраивается, извертелся весь: костям жестко, с боков дует и под головой, как ни крути, — пусто.

Промучился барин ночь, а на утро пошел с жалобой к полковому командиру.

Позвали солдата.

— Что ж ты, брат, — говорит командир, — обманул барина?

— Никак нет, ваше благородие, — отвечает солдат, — не обманывал я.

Взял шинель, расстелил, голову положил на рукав, накрылся полою.

— Хорошо, — говорит, — на шинели спится!

И вроде как похрапывает.

Полковой командир улыбнулся, похвалил солдата, подарил пятак на чарочку.

А барину так сказал:

— Служивому да работающему и камень — перина. А коли баклуши бить, не про вас будет сказано, так и в гробу — бессонница.

Ушел барин ни с чем — без шинелки, без денег.

А полковой командир склонил, куда пришлось, голову, да тут же и захрапел — так, словно труба в поход призывает.

А поход был уже не за горами. И вскоре пошагал наш бравый солдат вместе со своим славным полком бить врагов Отечества.

СОДЕРЖАНИЕ

Солдат Семен — скорый гонец	2
Как солдат царя Петра от разбойников спас	8
Деревянный палаш	14
Щедрая награда	17
Солдатский кафтан	18
Беззаботный монастырь	22
Солдат и царица	26
Солдатская загадка	30
Каша из топора	32
Волшебные карты	34
Зверь и человек	38
Алеша-попович	39
Как черт осолдател	40
Генеральская дочка	43
Барин и солдатская шинель	46

СОЛДАТСКИЕ СКАЗКИ

Для среднего школьного возраста

Художник Юрий Каштанов

Смекалка, находчивость, умение выйти из любой ситуации — эти черты, свойственные русскому народу, сочетаются воедино в образе простого солдата. Народные сказки с этим героем — кладезь остроумия.

Издательство «Белый город»

Генеральный директор К. Чеченев
Директор издательства А. Астахов
Коммерческий директор Ю. Сергей
Главный редактор Н. Астахова

Редактор Л. Жукова
Корректор О. Ситникова
Компьютерная верстка: Е. Давыдова
Подготовка иллюстраций: И. Ахметова
Сканирование: В. Тулин

ISBN 5-7793-1045-9
Лицензия ИД № 04067 от 23 февраля 2001 г.

Издательство «Белый город»,
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2
Тел.: (495) 916-55-95, 304-54-64
305-59-29, 688-75-36, (812) 265-41-39
Факс (495) 916-55-95, (812) 567-54-15

По вопросам приобретения книг
по издательским ценам обращаться по адресу:
111399, Москва, ул. Металлургов, 56/2
Тел. (495) 916-55-95
Сайт издательства: www.belygorod.ru
E-mail: belygorod@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Дата подписания в печать 11.12.2004
Гарнитура SchoolBook; печать офсет,
бумага офсетная, формат 84x108, 1/16
Тираж 5000 экз.
Заказ № 0610570

Электронный вариант книги:

Скан, обработка, формат: manjak1961

ИСТОРИЯ РОССИИ

Серия «История России» — единственная в своем роде серия книг для детей, наиболее полно раскрывающая перед юным читателем весь уникальный мир русской истории.

Серия выпускается с 1998 года и насчитывает уже более 80 книг.

Интересный текст и хорошее иллюстрирование сделали ее очень популярной.

Тираж серии в 2005 году достиг 1 500 000 экземпляров!

Готовятся к выпуску тематические сборники: «Герои русской истории», «Древняя Русь», «История русских городов», «Русские победы», «Цари и императоры» и другие.

Мы благодарим наших читателей за поддержку. Приятного Вам чтения!

А также:

XX век
 Александр I
 Блаженный
 Александр II Освободитель
 Александр III Миротворец
 Александр Невский
 А.К. Толстой. Баллады
 А.С. Пушкин
 Антарктида
 Боги древних славян
 Борис и Глеб
 Век переворотов
 и фаворитов
 Великие князья
 Великие полотна
 Вещий Олег
 Владимир Мономах
 Война 1812 года
 Георгиевские кавалеры
 Герои русских былин
 Герои русской истории
 Государь всея Руси Иван III
 Города России
 Гражданская война
 Деревянное зодчество Руси
 Добрыня Никитич
 и Алеша Попович

Древняя Русь
 Дуэли
 Екатерина Великая
 Золотое кольцо
 Золотой век
 Московской Руси
 Иван Грозный
 Илья Муромец
 История Москвы
 Клады и сокровища
 Князь-чародей
 Крещение Руси
 Крымская война
 Куликовская битва
 Легенды Древней Руси
 Легенды русских
 монастырей
 Литература Древней Руси
 Ломоносов
 Московские святыни
 Московские тайны
 Народный календарь
 Народные промыслы
 Начало династии Романовых
 Николай I
 Павел I
 Петр I
 Предсказатели и пророки
 Ордена и награды
 Российская наука
 Российский флот
 Русская Америка
 Русская деревня

Русские женщины
 Русские живописцы
 Русские колумбы
 Русские композиторы
 Русский костюм
 Русские писатели
 Русские победы
 Русские полководцы
 Русские святыне
 Русский военный костюм
 Русско-турецкие войны
 Садко
 Самозванцы
 Святослав
 Святыни России
 Северная война
 Северная столица
 Славянская мифология
 «Слово о полку Игореве»
 Суворов
 Цари и императоры
 Юрий Долгорукий
 Ярослав Мудрый

Готовятся к выпуску:

Дальний Восток
 Елизавета Петровна
 Русские героические сказки
 Русский рукопашный бой
 Русское оружие
 Серафим Саровский
 Урал. Кладовая земли

ISBN 5-7793-1045-9

9 785779 310451

ИСТОРИЯ РОССИИ

БОГАТКИЕ СКАЗКИ

СОЛДАТСКИЕ СКАЗКИ

Проучил солдат
сердитую императрицу.
Подобрела ее улыбка

За находчивость Петр
пожаловал солдату
царскую шпагу

Заставил хитрый солдат
басурманского султана
сдаться

Окутало двор небывалым
жаром. Тут генералу
и конец пришел

Опечалилась монастырская братия с игуменом:
велел царь Петр три загадки отгадать

Выпросил барин у солдата шинель,
а пристроиться на ней не может

БЕЛЫЙ ГОРОД